

Как и во всех крупных сектах первого ранга, вступительный экзамен в секту Летящей Радуги отличался предельной строгостью. Желающих принять участие в отборе и стать полноправными учениками было великое множество; толпы кандидатов стекались со всех окрестностей, надеясь изменить свою судьбу. Среди них встречалось немало отпрысков знатных и влиятельных семей, привыкших к роскоши и почестям. Однако секта Летящей Радуги, будучи самой могущественной силой в этом регионе, демонстрировала внешнее беспристрастие и относилась ко всем претендентам одинаково – ни один из них не мог рассчитывать на особые привилегии.

По крайней мере, с первого взгляда всё выглядело именно так.

Цзян ХаньЯ, наблюдая за происходящим, тихо пояснил Инь Цичи:

- Секты и знатные кланы всегда тесно связаны между собой. Те потомки семей, что действительно обладают выдающимся талантом и высоко ценятся, попадают в секту ещё с ранних лет, минуя общие очереди, и сразу находят себе влиятельных наставников.

Он сделал небольшую паузу, давая собеседнику осознать сказанное.

- Им вовсе не нужно участвовать в подобных публичных отборах. На первый взгляд может показаться, что секта доминирует, а кланы вынуждены уступать, но на самом деле их интересы переплетены настолько плотно, что они буквально проросли друг в друга.

- Понимаю, – кивнул Инь Цичи, в его голове тут же всплыли знакомые образы из прошлого мира. – Это как совместный бизнес, верно? Все владеют определенной долей акций, получают свои дивиденды и при этом ведут бесконечную подковёрную борьбу за влияние.

Секта в этой схеме выступала в роли огромной корпорации, а кланы были её крупнейшими акционерами. Наследники таких «акционеров» пользовались особыми условиями и льготами, в то время как те, кого семья не ценила, или такие «пришлые» люди, как они с Цзян ХаньЯ, оказывались в роли мелких инвесторов. Иногда таким счастливицам удавалось заработать немного и «отхлебнуть супа» с общего котла, но в большинстве случаев их просто стригли, словно траву, забирая всё ценное.

Сейчас секта Летящей Радуги находилась на самом пике своего процветания, дела шли великолепно, и мелкие инвесторы, ослеплённые успехом, спешили вслед за крупными игроками, чтобы урвать хотя бы крошечный кусок пирога. Именно поэтому «траву» стекалась

сюда нескончаемым, плотным потоком. Став учеником секты, человек навеки связывал с ней свою судьбу: он мог процветать вместе с ней, но мог и погибнуть в одно мгновение, если секта рухнет.

«Ох, вступил – значит, фактически попался в ловушку», – подумал Инь Цичи.

Цзян ХаньЯ с явным недоумением посмотрел на Инь Цичи, не совсем понимая смысл его странных рассуждений. Заметив это, Инь Цичи тут же применил упрощённый, адаптированный под местный лад перевод:

– Я имею в виду, что несколько групп людей вложили свои ресурсы в одно общее дело.

Теперь Цзян ХаньЯ всё понял и одобрительно кивнул:

– Твой пример довольно точен.

Пока они вели свою тихую беседу, очередь постепенно, но неумолимо продвигалась вперёд.

– Четыре духовных корня, не прошёл! – равнодушно, почти скучающе произнёс ученик секты Летящей Радуги, отвечавший за первичную проверку.

Некоторые мелкие, малозначимые секты принимали всех, у кого обнаружился хоть какой-то зачаток духовного корня, но для вступления в ряды секты Летящей Радуги требовалось иметь как минимум три. Кандидат, которому только что отказали, выглядел простовато; он не обладал никакой культивацией и, скорее всего, даже не удосужился проверить свои корни заранее, решив просто попытать удачу. Узнав о провале, он с глубоким, почти осязаемым разочарованием понуро удалился.

Следующий человек в очереди решительно шагнул вперёд и приложил ладонь к холодному нефритовому камню для проверки корней. Камень внезапно вспыхнул двумя чёткими, яркими лучами света. Голос проверяющего ученика стал заметно мягче:

– Двойной духовный корень металла и дерева, способности выше среднего.

Он выдал человеку нефритовую табличку, которая служила пропуском на следующий этап испытаний. Тот, в сопровождении двух слуг, с вальяжным и самодовольным видом проследовал внутрь.

Вскоре очередь дошла и до Инь Цичи. Он спокойно положил руку на камень, и тот мгновенно окрасился в насыщенный, ярко-зелёный цвет, от которого, казалось, веяло весенней свежестью.

- Одиночный духовный корень дерева, способности высшего ранга, – ученик с искренней улыбкой кивнул Инь Цичи. – Младший брат, проходи.

Было вполне ожидаемо, что человек с таким редким корнем гарантированно станет учеником секты Летящей Радуги, так что называть его «младшим братом» заранее было не только уместно, но и правильно. Затем ученик повернулся к Цзян ХаньЯ, ожидая, когда тот тоже пройдёт проверку.

Цзян ХаньЯ лишь спокойно покачал головой и, вспомнив того высокомерного человека, что прошёл внутрь со своими слугами, произнёс:

- Я его слуга, проверять не нужно.

Он не был выходцем из мира культивации, и в его теле попросту не было духовных корней. Цзян ХаньЯ полагал, что на этом инцидент исчерпан, но Инь Цичи внезапно, к его удивлению, воскликнул:

- Молодой господин, я не позволю вам так говорить о себе!

Неизвестно, что на него нашло, но Инь Цичи вдруг охватила непреодолимая страсть к актёрству. С надрывом в голосе он продолжил:

- Даже если... даже если всё так... не опускайте руки! Я обязательно найду способ вам помочь!

В сочетании с драматическим выражением лица и экспрессивными жестами казалось, что Инь Цичи не сказал ничего конкретного, но при этом сумел выразить всё многообразие человеческого страдания и преданности.

Цзян ХаньЯ замер с выражением «...?» на лице.

Окружающие начали с любопытством бросать на них взгляды. Даже во взгляде ученика, который теперь смотрел на Цзян ХаньЯ, промелькнула неприкрытая жалость. Люди – существа визуальные, а Цзян ХаньЯ обладал утончённой, почти неземной внешностью и выдающимся темпераментом, что вызывало у окружающих естественную симпатию.

Ученик, тронутый сценой, сказал Инь Цичи:

- В нашей секте Летящей Радуги хранится бесчисленное множество редких сокровищ. Если ты внесёшь достаточно щедрый вклад, у твоего молодого господина может появиться шанс.

Затем он повернулся к Цзян ХаньЯ, и его голос стал тише, словно он пытался утешить глубоко несчастного человека:

- Имея такого верного слугу, ты можешь быть спокоен.

Цзян ХаньЯ с абсолютно каменным лицом ответил:

- ...М-м.

Его бесстрастный вид заставил остальных окончательно поверить в то, что они задели его за живое, задели старую рану. Люди начали украдкой качать головами и сочувственно вздыхать.

Инь Цичи, довольный произведённым эффектом, продолжил:

- Молодой господин, пойдёмте.

Цзян ХаньЯ тяжело вздохнул:

- Пойдём.

Проверка корней была лишь предварительным, самым простым отбором, за которым следовали куда более суровые испытания. Всего было три основных этапа:

Во-первых, Восхождение по нефритовой лестнице: она насчитывала десять тысяч ступеней, и чем выше поднимался кандидат, тем сильнее становилась гравитация. Это была жестокая проверка силы воли и физической выносливости.

Во-вторых, Погружение в иллюзию: нечто похожее на то, что когда-то создавала белая лиса, но в более мягкой форме. Этот этап служил проверкой чистоты и стойкости сердца.

В-третьих, Изучение техники: кандидату давали начало сложной техники для освоения, чтобы проверить его природную способность к постижению и скорость обучения.

Инь Цичи, обдумывая всё это, подытожил:

- В общем, какой-то триатлон.

Группа людей уже ждала на месте, чтобы начать испытания, как только наберётся необходимое количество участников. Впрочем, Цзян ХаньЯ это не касалось: слуги не имели права участвовать, им полагалось лишь наблюдать за процессом с площадки неподалёку.

Инь Цичи, оставаясь верным своей роли преданного слуги, решил устроить своему «господину» максимальный комфорт. Сначала он с помощью системы достал роскошный одноместный диван, затем установил широкий зонт от солнца, чтобы лучи не обжигали кожу Цзян ХаньЯ, и в завершение выставил маленький изящный столик с ароматным чаем и изысканными закусками.

- Молодой господин, прошу прощения за временные неудобства, я скоро вернусь, - почтительно произнёс он.

Ожидающие испытания кандидаты и слуги, сопровождавшие своих хозяев, были буквально шокированы такой наглостью и размахом. Цзян ХаньЯ очень хотел промолчать и сделать вид, что не знает этого безумца, но под давлением десятков любопытных взглядов был вынужден подыграть Инь Цичи:

- Хорошо.

После чего Инь Цичи с достоинством вошёл в зону ожидания.

Под прицелом множества подозрительных и любопытных глаз Инь Цичи оставался невозмутимым, словно величественная гора. Он ничуть не смущался; напротив, в нём проснулось странное, почти детское чувство гордости за созданный им перформанс. Остальные в зоне ожидания совершенно не понимали, чем именно он так гордится.

После недолгого, напряжённого молчания кто-то из кандидатов не выдержал любопытства и спросил:

- Это... действительно твой молодой господин?

В мире культивации превыше всего почитают силу. Если слуга оказывается талантливым, а его хозяин - нет, то такой слуга, даже не поднимаясь официально в статусе, как минимум начинает стоять с хозяином на равных. Почему же этот человек, у которого на табличке чётко было написано «способности высшего ранга», так добровольно, усердно и даже с каким-то энтузиазмом прислуживает своему господину?

Инь Цичи, почувствовав подходящий момент, начал новую историю:

- Это очень долгая и печальная история.

Поскольку люди ещё не собрались и делать было совершенно нечего, все единодушно выразили желание послушать. Инь Цичи тут же, без малейших колебаний, выдал трогательную сагу о том, как его благородный хозяин спас умирающего, брошенного всеми слугу. Никаких черновиков, никакой подготовки - чистая импровизация, ни единой запинки в речи.

Тот, кто задал вопрос, с искренним восхищением кивнул:

- Значит, ты теперь всю жизнь платишь за спасение своей жизни?

Столь верный и добродетельный человек казался окружающим редкой находкой, и с ним определенно стоило подружиться. Однако Инь Цичи вдруг приподнял бровь и резко сменил тон на более интимный:

- Мой молодой господин очень красив, верно?

Он медленно, с расстановкой добавил:

- После того как он спас меня, я влюбился в него с первого взгляда. Жаль, что раньше не было возможности, а теперь всё сложилось как нельзя лучше. Ах, мой бедный господин, что бы он вообще делал без меня?

Голос его слегка дрогнул, но в нём отчетливо проскользнула торжествующая усмешка человека, который наконец-то добился своего.

Все присутствующие: - ...

Оказывается, это вовсе не добродетельный слуга, а настоящий хищник, который притесняет своего хозяина, пользуясь его слабостью! Действительно, мерзавец, прочь отсюда!

Почти все присутствующие сами считали себя «хозяевами» и испытывали естественное, почти инстинктивное отвращение к подобным историям, поэтому начали хмуриться и неодобрительно качать головами. Инь Цичи, видя, как люди брезгливо отступают, лишь пожал

плечами, и улыбка на его губах стала ещё шире. Он посмотрел в сторону Цзян ХаньЯ и весело, по-дружески помахал ему рукой.

Цзян ХаньЯ, не понимая сути происходящего, просто кивнул в ответ.

Окружающие, ставшие свидетелями этого обмена жестами: - ...

«Бедный господин, похоже, он даже не догадывается о волчьих амбициях своего слуги», - подумали они. Увы, в мире культивации правят сила и хитрость, и им оставалось лишь тяжело вздохнуть. Как же это было отвратительно!

Вскоре все кандидаты собрались, и испытание официально началось. Неизвестно, какой техникой пользовалась секта Летящей Радуги, но на пустой земле внезапно, словно из ниоткуда, возникла длинная нефритовая лестница, верхушки которой не было видно за облаками.

Инь Цичи, заранее знавший содержание экзамена, начал подъём. Он двигался не спеша, размеренно, шаг за шагом. Поначалу он намеренно держался в хвосте, не стремясь догнать остальных. Однако по мере подъёма гравитация, воздействующая на людей, начала удваиваться, и те, кто рвался вперёд, быстро замедлились.

Инь Цичи же сохранял прежний, ровный темп. Казалось, что увеличение веса на него вообще никак не влияет. Время шло, высота увеличивалась, и некоторые участники уже не выдерживали колоссального давления, останавливаясь на полпути. Другие, обливаясь потом и задыхаясь, с трудом поднимали ноги, тяжело и хрипло дыша на каждой ступени.

Инь Цичи продолжал идти в своём ритме. Он спокойно обогнал бывшего лидера забега, который к этому моменту был уже насквозь мокрым от пота, и двинулся дальше. Хотя он находился на стадии возведения основания, наличие культивации здесь не давало никаких преимуществ. Лестница динамически подстраивалась под каждого конкретного человека, создавая индивидуальные, максимально сложные условия. «Очень умно, - отметил он, - интересно, по какому принципу работает этот механизм».

Поднимаясь всё выше, Инь Цичи тоже покрылся потом. Гравитация росла, но он не выглядел так, будто каждый шаг даётся ему с нечеловеческим трудом. У него был соответствующий опыт. Сейчас гравитация была примерно пятикратной, что, в сущности, было вполне терпимо.

До перемещения в этот мир он долгое время провёл в специальной камере с десятикратной гравитацией. В тот раз давление было настолько сильным, что буквально раздавило его кибернетическое тело, и на последующий ремонт ушла астрономическая сумма. Когда кибер-доктор впервые увидел тогда Инь Цичи, он принял его за бесформенный кусок металлолома, валяющийся у порога.

- Примерно пятьсот кредитных очков, - пробормотал он тогда, оценивая стоимость запчастей.

Инь Цичи, едва дыша, прохрипел:

- Эй, я ещё не умер.

Кибер-доктор разочарованно вздохнул:

- Чёрт, не сказал сразу... а я-то зря обрадовался.

Инь Цичи посмотрел на свои нынешние руки, подумав, что плоть всё же гораздо практичнее: будь это старое кибер-тело, его бы уже давно раздавило в лепешку. «Сэкономил на ремонте», - с иронией подумал он.

На девятитысячной ступени гравитация внезапно удвоилась. Вес на плечах Инь Цичи резко возрос, создавая ощущение, будто на него навалилась огромная скала. Ему пришлось на мгновение остановиться на месте, чтобы дать организму привыкнуть к новому давлению. В этот момент второй участник отставал от него почти на тысячу ступеней.

Постояв немного, он почувствовал, как на коже появились мелкие, едва заметные трещины, из которых медленно, по капле, начала сочиться кровь. Но для него эта боль была почти незаметной, лишь легким раздражением на фоне общего напряжения.

Последняя тысяча ступеней оказалась в разы труднее, чем все предыдущие вместе взятые. Гравитация достигла своего апогея, превращая каждый вдох в борьбу за жизнь, а каждое движение - в настоящую пытку. Когда Инь Цичи приблизился к самой вершине, его кожа, не выдержав колоссального давления, покрылась сетью мелких разрывов и кровотокающих ран. Каждый новый шаг теперь был подобен резкому удару ножа, вонзающемуся в плоть.

Тяжелые капли крови ритмично падали на одежду, пропитывая ткань и источая густой, приторный запах сырого мяса. К тому моменту, когда до финиша осталась всего одна единственная ступень, Инь Цичи был буквально залит кровью, превратившись в жуткое зрелище. Однако он даже не обратил на это внимания, сосредоточив всю волю в одном последнем усилии, и сделал финальный шаг.

В мгновение ока пространство вокруг него исказилось, и он снова оказался на твердой земле. Более того, произошло нечто удивительное: его раны затянулись почти мгновенно, словно время повернуло вспять. Благодаря неизвестным методам исцеления, которые применяла секта Летящей Радуги, Инь Цичи почувствовал, как силы возвращаются к нему, а тело наполняется бодростью и свежестью. Правда, пятна запекшейся крови и грязная, изорванная одежда остались при нем, напоминая о пережитом кошмаре.

Инь Цичи медленно повернулся и направился к площадке, где в ожидании замерли слуги, оставляя за собой тяжелый шлейф густого запаха крови. Со стороны он выглядел пугающе – так мог выглядеть человек, который только что в одиночку вырезал пару десятков противников. Его опущенные глаза, в которых не было и тени улыбки, казались холодными, мрачными и бесконечно далекими. Слуги, завидев его приближение, невольно съёжились и в испуге отступили назад.

Затем, на глазах у изумленной толпы, Инь Цичи с неожиданной легкостью опустился на колени перед Цзян ХаньЯ. Глядя на него снизу вверх, он вдруг мягко и искренне улыбнулся:

- Молодой господин, вы довольны моим выступлением?

Цзян ХаньЯ, глядя на этот окровавленный хаос, очень хотел попросить его немедленно прекратить это нелепое представление. Однако вокруг находилось слишком много людей, и сказать такое вслух было бы верхом неловкости, поэтому он лишь выразительно подал знак глазами.

«Хватит играть, разве в этом есть хоть какая-то честь или достоинство?» – читалось в его взгляде.

Инь Цичи же, поймав этот взгляд, мысленно ответил: «Почётно, ещё как почётно!»

Цзян ХаньЯ почувствовал себя совершенно беспомощным перед этим безумием. Инь Цичи придвинулся ближе, и несколько тяжелых капель крови с его пропитанной одежды упали на белоснежное, безупречное одеяние Цзян ХаньЯ. Эти алые пятна выглядели словно распутившиеся цветы сливы, но источали они резкий запах крови.

- Простите, молодой господин, – тихо произнес Инь Цичи. – Я нечаянно испачкал вашу одежду.

Цзян ХаньЯ, привыкший к странностям своего спутника, не придал этому значения:

- Неважно. Впереди еще испытания, воспользуйся моментом и переоденься.
- Слушаюсь, - Инь Цичи заговорщически подмигнул ему. - Сейчас же всё исполню.

Его голос стал мягче на несколько тонов, приобретая почти кошачью ласковость. Казалось, он настолько глубоко погрузился в свою роль, что совершенно забыл обо всём на свете, кроме своего «господина».

Цзян ХаньЯ лишь молча вздохнул: - ...

«Забудь, в книге чётко было написано, что он псих».

Эта странная, вызывающая недоумение пара «хозяин-слуга» приковывала к себе всеобщее внимание. Ожидающие слуги не могли удержаться от любопытных взглядов, пытаясь разгадать тайну их отношений. Инь Цичи, почувствовав это, поднял голову и встретился с ними взглядом. В ту же секунду выражение его лица мгновенно сменилось на ледяное и мрачное. В сочетании с окровавленной одеждой он стал выглядеть как настоящий серийный убийца, затаившийся в ожидании жертвы.

В полной мере продемонстрировав свои две противоположные личины, Инь Цичи зашел в небольшую комнату неподалёку, чтобы принять душ и сменить одежду. Секта Летящей Радуги продумала всё до мельчайших деталей: после восхождения по лестнице кандидаты обычно выглядели крайне жалко и изможденно, поэтому организаторы заботливо подготовили временные душевые.

Вскоре испытание на лестнице официально завершилось. Критерием прохождения был вовсе не обязательный подъём на самую вершину - для того чтобы считаться прошедшим этап, достаточно было преодолеть три тысячи ступеней. Однако чем выше был итоговый результат, тем больше шансов у кандидата. Как правило, первое место, особенно если человек умудрялся пройти все десять тысяч ступеней, привлекало всеобщее внимание и вызывало жгучую зависть у остальных.

Но в этот раз всё было иначе. Остальные участники, глядя на Инь Цичи, который всё еще стоял на коленях перед Цзян ХаньЯ, казалось, видя перед собой единственное божество в этом мире, испытывали крайне странные чувства. Их внимание окончательно переключилось с мысли «проклятье, он прошёл десять тысяч ступеней, я так завидую» на совершенно иную: «ах, он схватил своего господина за руку среди бела дня... что же он собирается делать дальше?».

Вскоре началось второе испытание. Инь Цичи вернулся в зону ожидания, выглядя теперь

опратно и свежо. Человек, занявший второе место по итогам лестницы, совершенно не интересовался сплетнями. Он тайно и усердно тренировался дома, надеясь поразить всех своими достижениями, но никак не ожидал, что всё внимание заберёт какой-то безвестный парень, да еще и занимающий низкое положение слуги.

Он посмотрел на Инь Цичи с нескрываемым, почти осязаемым презрением:

- Ты тот самый слуга, который умудрился пройти десять тысяч ступеней?

Он намеренно сделал тяжелый акцент на слове «слуга», стремясь унижить собеседника и поставить его на место.

Инь Цичи лишь беззаботно улыбнулся:

- Откуда ты знаешь, что у нас с молодым господином такие тёплые и доверительные отношения? Только что молодой господин похвалил меня, и ради этой единственной похвалы стоило пролить столько крови! Знаешь, на самом деле я...

Второй номер: - ...

Он смотрел на сияющего гордостью Инь Цичи, чувствуя, как в груди закипает праведная ярость. «Ты что, ещё и гордишься тем, что ты слуга?!»

С трудом сдержавшись, он выдавил сквозь зубы:

- Кто тебя вообще спрашивал?!

Инь Цичи, ничуть не смутившись, продолжил:

- М-м, я знаю, вы все мне завидуете. Я всё понимаю, иногда я и сам себе завидую. Мы с моим господином...

Второй номер окончательно замолчал. «У него что, с головой не в порядке?»

Понимая, что нормальный человек просто не способен вести конструктивный диалог с психом, второй номер сдался и молча отошел подальше, стараясь не пересекаться с этим странным субъектом. Первое место оказалось непредсказуемым чудачком, и привычные методы социального взаимодействия - будь то «подкуп», «проверка», «давление» или «поиск покровительства» - здесь совершенно не работали. В итоге те, кто преследовал свои корыстные цели, сбились в кучу вокруг второго номера; общаясь с ним, они пытались вернуть себе утраченное чувство контроля над ситуацией.

Вскоре началось испытание иллюзией. Иллюзия секты Летящей Радуги была старой версии, основанной на базовых человеческих пороках: жажде денег, власти, славе и похоти. После этого этапа оставалось последнее испытание. Иллюзия оказалась «умной» и, уловив самые глубокие и скрытые желания Инь Цичи, приняла облик Цзян ХаньЯ.

- Цичи, - иллюзорный Цзян ХаньЯ слегка улыбнулся, и эта улыбка была подобна тающему весеннему снегу.

Однако Инь Цичи не только не поддался этому очарованию, но и внезапно словил настоящий приступ ПТСР.

«Кто, черт возьми, разрешил вам использовать 3D-модель Цзян ХаньЯ для создания голографических видео?! Вы вообще этого достойны?!»

До перемещения в этот мир, в мрачном подземном районе, ходило великое множество голографических фильмов с участием знаменитостей. И это были далеко не просто эротические ролики, а кровавые, жестокие триллеры или причудливая смесь того и другого. В более скрытых, элитных местах можно было найти фильмы с участием власть имущих из небесного района, хотя стоили они баснословно дорого. За дополнительную плату можно было даже заказать индивидуальный сюжет. Те, к кому в реальности было невозможно даже прикоснуться, в таких заказных фильмах становились покорными рабами, готовыми на всё по первому требованию клиента. Гарантировалось абсолютное, пугающее сходство - всё выглядело как настоящее.

Цзян ХаньЯ был слишком совершенен: его темперамент и манеры были слишком аристократичны. Если бы он появился в прежнем мире Инь Цичи, тот даже боялся представить, насколько безумными и грязными стали бы эти голографические фильмы. От одной мысли о такой возможности Инь Цичи пришёл в неопишемую ярость.

«Я спрячу свою жену!» - решил он.

Никто и никогда не посмеет использовать образ Цзян ХаньЯ для создания 3D-моделей ради каких-то грязных целей.

Благодаря этому всплеску гнева он преодолел иллюзию невероятно быстро. Снова первым пришёл в себя. Только когда Инь Цичи встал с коврика, он слегка дёрнул уголком рта, пребывая в крайне скверном настроении. Он вспомнил содержание книги «Верховный Черной Черепахи: Лимитированное издание».

После того как Инь Цичи похитил Цзян ХаньЯ, он никому не позволял даже увидеть его истинное лицо. Он не ограничивал его свободу в передвижениях, но куда бы ни захотел пойти Цзян ХаньЯ, Инь Цичи следовал за ним тенью, используя всю мощь великого императора, чтобы никто не смел даже поднять голову в его сторону. Цзян ХаньЯ считал это унижением и ограничением, способом демонстрации абсолютной власти, и сильно злился, но ничего не мог поделать. А Инь Цичи раз за разом искренне и терпеливо объяснял ему:

- Малыш, ты просто не понимаешь, я защищаю тебя.

Да, конечно, это была защита. Те, кого использовали в голографических фильмах, были лишь пешками небесного района, жалкими клоунами на сцене. А настоящие властители небесного района - их внешность, голоса и даже имена оставались тайной. Они контролировали всё сущее, но обычные люди даже не подозревали об их существовании. Это была высшая степень информационной безопасности.

Прошлый опыт неизбежно влиял на настоящее. Даже зная, что этот мир не похож на его прежний, Инь Цичи не мог сдержать своих инстинктов. Он закрыл глаза, выровнял дыхание и постепенно успокоился. Затем он решил, что по возвращении уничтожит все созданные голографические диски. Кто знает, не воспользуется ли система межмировой торговли случаем, чтобы передать данные обратно? Даже если он использовал внешние носители, нельзя было терять бдительность. Как бы жаль ни было удалять записи, это был самый безопасный вариант.

Испытания иллюзией и изучением техники следовали одно за другим. Инь Цичи лишь немного отдохнул и снова сел на коврик. Он обладал выдающимися способностями к обучению, и сложные техники, которые для многих казались непостижимыми, для него были элементарны. Он не пытался понять технику через абстрактные размышления или логику, как это делало большинство.

У каждого языка программирования есть свои строгие правила, и Инь Цичи, будучи топ-хакером, мастерски владевшим множеством языков, применил этот же подход к технике культивации. Он быстро разобрался в её внутренней логике и принципах работы, словно читал исходный код. Затем он просто повторил всё по образцу и в кратчайшие сроки освоил материал.

Вскоре все испытания завершились, и были подведены итоги. Те, у кого были плохие оценки, даже имея три духовных корня, не попали в секту Летящей Радуги. Остальных разделили на две категории: в зависимости от способностей и результатов одни отправились во внутренний сектор, другие остались во внешнем.

В этот раз во внутренний сектор попали всего трое. Инь Цичи не нуждался в представлении. На его табличке были указаны результаты трёх испытаний – и везде значилось первое место. В сочетании с высшим рангом одиночного корня дерева он был напрямую зачислен во внутренний сектор. Из двух оставшихся один был тем самым «вторым номером» с лестницы, а второго Инь Цичи даже не запомнил.

Затем ученики секты Летящей Радуги подробно объяснили им правила поведения. Инструктаж включал информацию о ежемесячном пособии, бесплатных курсах и, самое важное, о поиске наставника.

- Если проявите себя на соревновании внутреннего сектора, возможно, заслужите благосклонность великих мастеров стадии превращения бога.

Остальные слушали это с нескрываемым восторгом, Инь Цичи внешне поддерживал их общий настрой, но в глубине души его это совершенно не интересовало.

Как только формальности были улажены, Инь Цичи не стал, подобно другим, кружить вокруг старших братьев и сестёр, пытаясь им угодить или выслужиться. Вместо этого он развернулся и пошёл к зоне ожидания, где его ждал Цзян Ханья.

Цзян Ханья сидел прямо; даже на мягком диване его спина оставалась идеально ровной. На его белоснежном одеянии всё еще виднелись засохшие пятна крови. Это была кровь Инь Цичи. Увидев эти следы на одежде Цзян Ханья, Инь Цичи испытал странное, почти болезненное удовольствие.

- Закончили? - спросил Цзян Ханья.

- Да.

В этот раз Инь Цичи не играл роль, но его выражение лица оставалось мягким и умиротворенным:

- Пойдёмте.

Цзян Ханья кивнул. Он поднялся, Инь Цичи быстро собрал вещи, и они направились к распределённому ему двору. На пути встречалось много людей: старшие братья и сёстры, проводившие инструктаж, уже разошлись по своим делам, а новоиспечённые ученики секты Летящей Радуги звали своих слуг и с гордым видом направлялись к новым жилищам.

По мере продвижения людей становилось всё меньше, и Цзян ХаньЯ, наконец, спросил:

- Почему ты притворяешься моим слугой?

Он нахмурился, выражая явное неодобрение:

- Будь то боевые искусства или культивация, на континенте Черной Черепахи и в целом в мире культивации нужно обладать неукротимым духом. Подобное самоуничтожение вредит твоей практике и затуманивает разум.

- Самоуничтожение... - Инь Цичи внезапно рассмеялся. - Разве это можно назвать самоуничтожением? Я никогда не был человеком высокого полёта, я же говорил тебе, что до перемещения в этот мир был всего лишь гиеной из подземного района.

В глазах власть имущих такие, как Инь Цичи, были ничтожествами, чьим пределом мечтаний было попасть в корпорацию и стать послушными псами. Их презирали как низкосортных существ, на которых даже смотреть было противно.

Цзян ХаньЯ нахмурился ещё сильнее:

- Ты единственный соперник, равный мне. Подобное самоуничтожение - это оскорбление для меня. Кем ты меня выставляешь в глазах окружающих?

Инь Цичи моргнул, некоторое время внимательно смотрел на него, и его лицо постепенно разгладилось:

- Это была всего лишь шутка, не злись. Ты так сильно хмуришься, что это даже пугает. Улыбнись, а?

Цзян ХаньЯ продолжал смотреть на него с абсолютно каменным лицом. Инь Цичи снова рассмеялся:

- Ладно, если ты не хочешь улыбаться, я буду улыбаться за тебя двоих.